

Об этом же в статье «Перед 29 мая», опубликованной в сербской газете «Политика» 29 октября 1926 года, писала Мария Цинцар-Маркович — вдова убитого в ночь переворота сербского премьер-министра. Она указывает: «То, что официальная Россия дала свое согласие на осуществление майского переворота, вследствие плохой оценки ситуации в стране и угрозы своим интересам, то это во многом благодаря Чарыкову, который вследствие этого был достаточно быстро переведен из Белграда». Причем, по ее мнению, один из главных участников заговора, находящийся тогда в отставке полковник А. Машин, не случайно провел в Петербурге зиму 1902-1903 годов. «Семья Цинцар-Марковичей, — пишет Мария, — имеет письмо того офицера, в котором он просит генерала Цинцар-Марковича вернуть его на службу с присвоением геперальского чина»²⁴. Имелось ссылаясь на эту статью, Васа Казимирович указывает на возможное участие российского посланника в осуществлении переворота. «Не совсем очевидно, но не исключено, что Машин ездил в Россию по предварительному договору с русским посланником в Белграде Чарыковым, который, по сведениям, опубликованным после переворота органом Радикальной партии “Самоуправа”, был связан с некими заговорщиками, знал не только, что они готовят, но и в какой день», — пишет историк²⁵. Но зачем же тогда надо было предупреждать короля? Да и факт того, что сам переворот стал полной неожиданностью не только для Н. В. Чарыкова, но даже для мирно спавшего в ту ночь военного агента И. П. Сысоева, ставшего невольным свидетелем расправы с военным министром Павловичем, говорит сам за себя. После убийства российский императорский двор объявил двадцатидневный траур по королевской чете, что также показательным образом говорит об отношении российского императорского дома к свершившимся событиям²⁶.

²⁴ Политика. 1926. 29 октября.

²⁵ Казимирович В. Указ. соч. С. 68. См. также: Јовановић С. Указ. соч. Т. 2. С. 261–262. *Екмецић М.* Аустро-Угарска обавештајна служба и мајски преврат у Србији 1903 године // Историјски часопис. Књ. 32, Београд, 1985. С. 215.

²⁶ Отношение российского императорского дома к белградским событиям прекрасно иллюстрирует еще один эпизод. Газета «Народни лист» в ноябре 1903 года сообщала, что Николай II на встрече с Вильгельмом II в Висбадене в разговоре о македонских событиях и отношении к ним Сербии сказал: «Не напоминайте мне об этой земле. Сербии надо игнорировать». Тираж газеты, спустя 24 часа после ее выхода из типографии, был уничтожен // АВПРИ. Ф. «Политархив». Д. 499. Л. 248 (об).

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ МАКЕДОНСКОГО НАРОДА В ВАРДАРСКОЙ, ЭГЕЙСКОЙ И ПИРИНСКОЙ ЧАСТЯХ МАКЕДОНИИ (в первой половине 1920-х гг.)

Я. Н. Войтова-Долгих, канд. ист. наук

Северо-Кавказский филиал

Российского государственного университета правосудия

(г. Краснодар)

В статье рассматривается правовое положение македонского населения в Вардарской, Эгейской и Пиринской частях Македонии. Автор обращает внимание на различные способы воздействия и пропаганды, осуществляемой правящими кругами Королевства СХС, Греции и Болгарии в отношении македонского населения. Особое внимание уделяется проводимой политике денационализации, в результате которой македонское население не имело политических, гражданских, национальных и культурных прав.

Ключевые слова: македонский вопрос, правовое положение македонского народа, Вардарская Македония, Эгейская Македония, Пиринская Македония, политика балканских государств.

LEGAL STATUS OF MACEDONIAN NATION IN VARDAR, AEGIAN AND PIRIN PARTS OF MACEDONIA (IN THE FIRST PART OF 1920th YEARS)

Y. Voitova-Dolgikh

Russian State University of Justice

(North Caucasus branch, Krasnodar). Russia

This article presents legal status of Macedonian nation in Vardar, Aegian and Pirin parts of Macedonia. The author pays attention to the different ways of influence and propaganda, carried out by the ruling circles of The Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes, Greece and Bulgaria in regard to Macedonian population. Particular attention is paid to the policy of denationalization which resulted in the Macedonian population had no political, civil, national, and cultural rights.

Key words: Macedonian question, Legal status of Macedonian nation, Vardar Macedonia, Aegian Macedonia, Pirin Macedonia, Government policy of Balkan countries.

На Парижской мирной конференции 1919 г. был окончательно утвержден раздел Македонии между Болгарией (Пиринская часть), Грецией (Эгейская часть) и Сербией (Вардарская часть).

Положение в македонских землях и в целом на Балканах после окончания Первой мировой войны было крайне тяжелым: полный упадок сельского хозяйства, промышленности и экономики, разрушенные железнодорожные линии, дороги, мосты. Из-за нехватки товаров и продовольствия увеличилось число спекулянтов, происходил рост цен, рост безработицы. Крестьянство особенно было заинтересовано в решении аграрного вопроса. Правительства балканских государств не принимали никаких мер для подъема и развития хозяйства в македонских землях, которое в основном было мелкоременным, сельскохозяйственным, с незначительным индустриальным потенциалом [2, с. 24].

В трех частях разделенной Македонии проводилась денационализация македонского населения всеми способами и средствами, которыми мог располагать государственный аппарат стран, разделивших македонские земли. Большая часть македонского населения эмигрировала в Америку, Канаду, Австралию.

По Нейскому мирному договору с Болгарией к Королевству СХС отошли 4 района с македонскими городами. Западные державы, не учитывая интересов македонского народа и оставив без внимания предложение болгарской делегации, чтобы вся Македония в своих географических границах превратилась в «независимое государство», утвердили *Вардарскую Македонию* в составе Королевства СХС. Тем самым государства Антанты отомстили Болгарии за ее отступничество в Первой мировой войне [3, с. 64].

В Вардарской Македонии был введен специальный режим, лишивший жителей элементарных гражданских и политических прав, хотя через год этот указ был упразднен, однако положение македонского народа никак не изменилось.

Македонский народ фактически не имел никаких прав: аресты, изгнания, побои становились обычным явлением. Уровень смертности был крайне высоким, зачастую проводились массовые убийства (в 1919 г. в Тиквешко, Велешко, Брегалничко в 1922 г. в Кратовско, Кочанско, в 1923 г. в Шипско, Кочанско, Радовничко, Гарван, в 1925 г. в Шипско, Кочанско, Кратовско были расстреляны сотни ни в чем не повинных крестьян) [17, л. 15–41].

Македонский народ подвергался притеснению, притеснению, убийствам. Проводились аресты как известных македонских революционеров, так и простого крестьянского населения. Для македонцев был введен закон № 85, § 5, который карал 15 годами заключения всякого македонца, служившего в болгарской армии. Посколь-

ку большинство македонцев служили в болгарской армии, сербское правительство поступало следующим образом: за пичтожный поступок против сербских властей македонца сажали в тюрьму, если он лояльно относился к сербским властям — оставляли на свободе [15, с. 79]. В Вардарской Македонии законодательством КСХС были запрещены всевозможные македонские легальные политические партии и движения. Ни в правительстве, ни во Временном народном представительстве не было представителей македонского народа [9, с. 252]. Македонский народ в Королевстве СХС не имел возможности свободно и активно участвовать в общественной политической жизни.

28 июня 1921 г. в югославском государстве была принята первая конституция — Видовданская, утверждавшая общественно-экономическую систему государства с монархическим режимом. По этой конституции вводилось новое территориальное деление, Вардарская часть Македонии делилась на 3 административные единицы (жупании) с центрами в Скопье, Битоле и Штипс [8, с. 240].

После принятия Видовданской конституции в Вардарской Македонии усиливается деятельность и пропаганда болгарского правительства, которое вело политику, направленную на дестабилизацию ситуации в Вардарской Македонии. «Режим лишения прав, денационализация и террор, поддерживаемые сербским правительством в провинциях Королевства СХС и особенно в Македонии, вызывали широкое недовольство среди македонского народа и рост национального движения за независимость и автономию. Болгарское правительство пыталось использовать борьбу за независимость и автономию национальностей, населяющих Македонию, в целях как внутренней, так и внешней завоевательной политики», — говорилось в обращении ИК БКФ «К рабочим и крестьянам балканских стран» (декабрь 1922 г.) [14, с. 37–38].

Проведение аграрной реформы в Вардарской Македонии переплеталось с колонизацией, которая проводилась через сельскую или сельскохозяйственную и через так называемую «административную» колонизацию. Переселенцам из других краев КСХС предоставлялась поместная (чишликская) и государственная земля в Македонии, несмотря на то, что македонское население страдало от нехватки земли. В Вардарской части «Распоряжение о населении новых южных краев» от 24.09.1920 г. лишило македонцев возможности получать землю вне мест их проживания. Стремясь укрепить свои позиции в Вардарской Македонии, правительство П. Панича стало пе-

переселять туда зажиточных сербских крестьян, жандармов, представителей русской эмиграции, врангелевцев. Переселенцам предоставлялись льготные условия, а у македонских крестьян отнимались лучшие земли. Эта деятельность не могла не вызвать акций протеста со стороны местного населения, которые жестоко подавлялись правительственными войсками [11, с. 50].

Македонские города находились в глубоком упадке. Многие города, такие как Битола, Дебар, Прилеп, Тетово, Кичево, Велес, Штип (Штип), Гевгелия, Куманово, Дойран, Струмица и даже Скопье, были лишены финансирования. Белградское правительство не только не пыталось улучшить жизнь македонского населения, но, наоборот, предпринимало всевозможные меры для его разорения.

В Вардарской части Македонии глубокий кризис охватил все структуры: сельское хозяйство, экономику, социальную сферу, законодательство и т. д. Безработица в значительной степени охватила городское население, положение крестьян было также крайне тяжелым. На всей территории Вардарской Македонии работала всего одна больница [17, л. 15–41].

Помимо экономического и политического угнетения в Вардарской Македонии политика денационализации проводилась в культурной и образовательной сферах. Политика правящих кругов Вардарской части (и не только) сводилась к притеснениям национальных меньшинств и привела к запрету употребления македонского языка в устной и литературной форме [20, с. 22].

Н. Пашич считал, что Македония может быть «сербизована» за 10 лет. В каждом учреждении на видном месте были надписи: «Говори только на официальном языке». В училище перед чтением молитвы ученики должны были громко три раза сказать: «Я настоящий серб, отец мой и мать моя — настоящие сербы». Сюда можно добавить, что в церквях появились списки с сербскими именами, которые разрешалось давать поворожденным. Насильственно менялись окончания фамилий с «ов» на «ич». Для детей из Македонии щедро открывались пансионы в Белграде и других крупных городах. Цель одна — воспитание просербской интеллигенции [12, с. 196].

В Вардарской Македонии долгое время не было никаких училищ, гимназий были закрыты. Однако правительство пришло к выводу о том, что «умело направленное просвещение может стать средством национального перевоспитания» македонцев. В разных городах Вардарской Македонии открывались специальные училища, с помощью которых сербское правительство пыталось подавить лю-

бое проявление македонского национального сознания и традиций, искоренить македонский язык и ввести сербский [20, с. 22]. Однако такая политика встретила массовое и стихийное сопротивление. Ограничения были не только в средней школе, но и в начальной. К востоку от Вардара во многих районах школы оставались закрытыми. Существовал недостаток учительских кадров, так как большинство учителей окончили школы при Экархате. Все это отразилось на уровне грамотности среди македонского населения: неграмотные к началу 1930-х гг. составляли около 70 % [9, с. 283–284].

Таким образом, можно отметить, что македонцы Вардарской части находились в тяжелом положении, их лишили права быть отдельной нацией, не разрешали говорить на родном языке, иметь свои школы, учебные заведения, газеты, книги, имена, которые менялись и трактовались по-сербски.

В Эгейской Македонии, как и в остальных частях, положение македонцев было критическим. В результате договора, подписанного на Парижской мирной конференции в 1919 г., Греция значительно увеличила свою территорию за счет части Фракии и южной части Македонии. Территориальные приобретения Греции позволили ей стать «страной двух континентов и пяти морей», тем самым пачать осуществление «великой идеи» ее национальных идеологов.

В Эгейской Македонии были организованы три областных управления — в Солуни, Кавали и Кожачи, со специальным министерством, ведающим делами «Северной Греции» (официальное название Эгейская Македония). Область состояла из 11 округов, наиболее значительными были Солунский, Серский, Кожачский и др. [10, с. 203].

Основная цель великогреческой политики сводилась к эллинизации балканских народов и заключалась в проекте создания «Великой Греции». Македония была одним из центральных объектов реализации этих устремлений. После Первой мировой войны греческие националисты получили шанс реализовать свою ассимиляторскую программу в Эгейской части Македонии. Она велась всеми средствами, которые имелись в распоряжении государства: церковь, образование, пропаганда, войска, полиция, военное и правовое давление. И это было не случайно. Эгейская часть была родиной организовавшего македонского революционного движения — имени здесь была создана Тайная македоно-одринская революционная организация (ТМОРО), в Солуни было принято решение об Илинденском восстании, город Кукуш — родина известного македонского национального идеолога Гоце Делчева [10, с. 215].

Греческое правительство проводило активную политику колонизации македонского населения, зачастую не открыто, а в скрытой форме. Македонское население не имело никаких политических, гражданских, национальных и культурных прав, училищ, школ, церквей. Введен запрет на македонский и другие славянские языки. Так, был издан приказ греческой национальной организации «Греко-македонский кулак», в котором строго запрещалось употребление македонского языка среди македонцев в Эгейской части Македонии. Никакой другой язык, кроме греческого, не должен был употребляться ни в устной форме, ни в письменной. Преступлением считалось употребление родного македонского языка в повседневном общении [6, с. 64].

Одна из многочисленных мер, проводимых греческим правительством в Эгейской части Македонии в 1913-1929 гг., — принятие законов, в которых узаконивалась замена вековых македонских названий населенных пунктов, городов, улиц, училищ на греческие названия [7, с. 337–338]. Афинское правительство изгоняло население Македонии с насиженных мест, власти надменно и жестоко обращались с македонцами. Преследования, которым подвергались македонцы, имели два варианта: первый — через третирование, аресты, террор, незаконные судебные процессы (в 1920 г. Солуни, Кавале, Драмe, Деринсе, Бутимсе, Терлисе, были расстреляны 17 македонских крестьян); второй путь — «на законных основаниях» по договору, заключенному между болгарским и греческим правительствами, согласно которому проводилась политика денационализации, грабежей, переселений.

Вместе с политикой денационализации македонцев греческая власть проводила выселение македонского населения. На основе Нейнского мирного договора между Грецией и Болгарией была подписана конвенция о «добровольном» переселении иностранного населения, живущего в этих странах. Эта конвенция разрешала греческим властям проводить политику переселения македонского населения. Так, в 1920-е гг. было переселено в Болгарию более 100 тыс. македонцев [17, л. 15–41].

С заключением греко-болгарских договоров систематическое выселение македонцев, а позже турок приняло массовый характер. В 1923 г. были выселены из Эгейской Македонии «турки», которые в большей части не знали турецкого, а говорили на македонском языке и были по происхождению македонцами. Кроме того, было выселено около 3 тыс. «турок», говоривших на владарском, и около

500 человек — на греческом языках [1, с. 45–47]. Болгарские власти принимали насильно выселенных македонцев, представляя их перед мировой общественностью как болгар. Помимо этого Болгария получила для беженцев так называемый «беженский заем», но полученные средства не распределялись, а использовались в своих собственных целях [16, с. 401].

Несмотря на то, что по заключенным ранним договорам Греция была обязана обеспечить минимальные права всем пародностям, которые оказались на территории греческого государства, эти условия не выполнялись. Проблема, существовавшая между Грецией и Болгарией, касалась обмена национальных меньшинств между двумя странами. В июле 1924 г. в результате пограничного инцидента, в котором по вине греческих военных погибло несколько гражданских лиц, болгар по происхождению, являвшихся гражданами Греции и заподозренных в помощи комитаджиям (членам болгарских повстанческих отрядов), отношения между странами вновь обострились. При посредничестве Лиги Наций и ряда европейских государств между Афинами и Софией был подписан специальный протокол об обмене национальными меньшинствами, вошедший в историю под именами министров иностранных дел двух государств, подписавших протокол, — Калфов-Политис. Согласно составленному протоколу греческое правительство признавало существование болгарского национального меньшинства в Греции — речь шла о македонцах в Эгейской Македонии. Однако греческий парламент не ратифицировал этот протокол из-за протестов Королевства СХС, поскольку признание македонцев болгарскими означало бы признание болгарскими македонцев в части Македонии, отошедшей Королевству СХС [19, с. 51].

После греко-турецкой войны 1919-1922 гг. политическое и экономическое положение греческого народа и остальных народов, входящих в состав Греции, значительно ухудшилось. Огромные военные расходы вызвали рост инфляции и дороговизны, привели к обострению внутриполитической обстановки. Правительство прилагало все усилия для денационализации негреческого населения. Официальная точка зрения греческого правительства была таковой: все население, проживающее в Греции, — греки. Те, кто добровольно не принимал эту точку зрения, высылались в Болгарию [21, с. 20].

В мае 1925 г. Исполнительным комитетом КПП (в расширенном составе) была принята резолюция по национальному вопросу, в которой македонцы признавались нацией, имеющей право на само-

определение вплоть до отделения [13, с. 25–26]. Несмотря на выступление КИГ против денационализации, террора и выселения македонцев, конкретных результатов достигнуто не было и македонский народ хоть и признавался отдельной нацией, но продолжал угнетаться и по-прежнему стремился к образованию самостоятельного государства.

Под давлением Общества народов в защиту греческого населения в Греции в 1925 г. была образована комиссия, которая разработала «Букварь для начальных школ в Эгейской Греции» [6, с. 63]. Сам факт того, что греческое правительство занялось разработкой букваря на македонском языке, говорит о том, что была предпринята попытка (так же, как и в КСХС) «воспитать в нужном русле» македонское население, в духе преданности Греции. В общем можно сделать вывод о том, что положение македонского народа в Эгейской части Македонии также было нестабильным и тяжелым.

Не лучше было положение македонского населения в *Пиринской* части Македонии, входившей в состав Болгарии. Пиринская Македония представляла собой округ, состоящий из пяти районов: Горно-Джумайского, Мелникского, Петричского, Певрокопского и Разложского. Административным центром был город Петрич. Македонского населения в Пиринской части в 1920-е гг. было около 160 тысяч [11, с. 357]. Всего в Петричской Македонии и в самой Болгарии македонских беженцев и эмигрантов, вынужденных по национальным и политическим причинам оставить свои родные места, оккупированные КСХС и Грецией или насильственно изгнанных оттуда, было около 500 тыс. [17, л. 28–29].

Беженцы в Болгарии расселялись по всей стране, а не создавали компактные македонские группы. Здесь также велась насильственная денационализация. Первое, чему учили македонских детей, — говорить о себе «я — болгарин» [16, с. 403].

По отношению к македонцам велась болгарская культурная пропаганда, в течение нескольких десятилетий в них насаждался болгарский дух, не признавалась македонская нация, македонцев считали болгарам, используя доминирующее влияние последних. Положение населения в Петричской Македонии, а также многочисленных македонских беженцев в Болгарии ухудшилось в результате послевоенного экономического кризиса.

Национальные преследования, экономическое разорение, раздел Македонии поставили пиринских македонцев в невыносимое положение, с которым они не хотели мириться. Стремясь продол-

жить борьбу за национальную свободу и объединение, многие руководители прежнего македонского революционного национально-освободительного движения активизировались и развили энергичную деятельность по объединению македонцев и установлению целостности и независимости страны. Македонские волнения присоединились к массовому недовольству болгарского народа, который также находился после войны в тяжелом положении.

Создавалось большое количество обществ и организаций, борющихся за права македонцев и стремящихся к достижению автономии и независимости Македонии. Так, в начале 1920 г. было создано Македонское студенческое общество «Вардар» при Софийском университете им. «Святого Климента Охридского» на основе существующей с августа 1919 г. Македонской студенческой корпорации «Гоце Делчев» [5, с. 157–163]. Председателем общества «Вардар» стал И. Михайлов, который впоследствии займет ведущее место в руководстве ВМРО [4, с. 10–11].

Таким образом, положение македонского народа в Пиринской Болгарии мало чем отличалось от ситуации в других районах разделенной Македонии. Тяжелая экономическая ситуация и политические перестановки сил в Болгарии крайне негативно отражались на правовом положении македонского населения.

Македонская эмиграция пыталась привлечь внимание всего мира к крайне тяжелому положению македонского народа. Центральный Комитет македонских политических организаций в Соединенных Штатах и Канаде, представляющий свыше 40 000 македонских эмигрантов, в начале 1925 г. обратился в Лигу Наций, ко всем правительствам, культурным учреждениям по поводу ужасного положения в Македонии. Особенно делался акцент на крайне тяжелом социальном положении македонского народа, говорилось о терроре и угнетении, насилиях и убийствах. В пример приводилось высказывание бывшего министра Бельгии г-на Вапдервельде (впечатления во время посещения Болгарии): «Там были такие картины, которые я никогда в моей жизни не забуду, такие сцены, которые будут преследовать меня до могилы. Мы, которые были свидетелями ужасов войны в Бельгии и Франции, еще не знаем настоящих страданий, которые можно увидеть среди нас. Я видел ужасные зрелища в своей жизни, бедствия военнопленных и беженцев во время войны, голодающих русских крестьян в предсмертной агонии на Волге, но я никогда не видел в моей жизни более потрясающего, чем положение беженцев в Болгарии» [18, л. 2]. Большую часть

этих беженцев составляли македонцы. Эмигранты считали своим долгом выразить протест против такого положения в разделенной Македонии. Они обращали внимание на то, что Лига Наций на практике не применяет пункт о защите национальных меньшинств. Эта защита предусматривалась мирным договором и была принята балканскими государствами. Она гарантировала по крайней мере минимум культурных национальных прав болгарского, турецкого, румынского, албанского народа и др. национальностей, населяющих Македонию. Выдвигая свой девиз «Македония для македонцев», они падеались на то, что македонский вопрос все же будет разрешен и будет создана Балканская федерация которая будет гарантией мирного развития народов Балканского полуострова.

Таково в целом было правовое положение в Вардарской, Эгейской и Пиринской частях Македонии после ее раздела. Македонское население фактически не имело никаких политических, гражданских, национальных и культурных прав, училищ, школ, церквей. Во всех 3 частях разделенной Македонии был введен запрет на македонский язык. Проводилась активная пропаганда, доказывавшая греческое, болгарское и сербское происхождение македонцев. Македонские крестьяне, которые составляли большую часть населения, фактически были лишены земли и превратились в беженцев и эмигрантов. И хотя по заключенному договору с Грецией Болгария обязывалась принимать македонских беженцев, их положение в Болгарии было не намного лучше, нежели в остальных частях. Вследствие всего этого росло национальное самосознание народа, активизировалось освободительное движение и крепла идея создания единой независимой Македонии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Андоновски Х.* Егејска Македонија. Скопје. Б.г.и.
2. *Апостолски М.* Народноослободителната борба и револуцијата во Македонија. Скопје, 1985.
3. *Васильева П., Гаврилос В.* Балканский тупик?.. (Историческая судьба Югославии в XX веке). Москва : Гея итэрум, 2000. 480 с.
4. *Георгинов К., Билярски Ц.* Един живот, посветен на България и на револуцијата // Избрани произведения / И. Михайлов. София : Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 1993.
5. *Гоцев Д. Г.* Младежките национално-освободителни организации на македонските българи 1919-1941. София : Издателство на Българската Академия на науките, 1988. 287 с.

6. Документи о борьбе македонского народа за самостоятельность и национальное государство. В 2 т. Т. 2. Скопье, 1985. 930 с.
7. *Зографски Д., Абиджиев Г.* Егејска Македонија во нашата национална историја. Скопје, 1951.
8. История македонского народа. Скопье, 1975.
9. История македонского народа. Скопье, 1986.
10. Историја на македонскиот народ. Скопје, 2000.
11. *Киселиновски С.* Етничките промени во Македонија (1913-1995). Скопје : Институт за национална историја, 2000. 150 с.
12. *Косик В. И.* Балканы: «Порвалась цепь великая...» (середина XIX начало XXI вв.) Москва : Институт славяноведения РАН, 2014. 272 с.
13. КИГ и македонското прашање 1918-1974. Документи за односот на комунистичката партија Греции кон македонското национално прашање. Скопье, 1982.
14. Националниот вопрос на Балканах через призму мировой революции (в документах и материалах российских архивов начала — середины 1920-х годов) : в 2 ч. / сост. Р. П. Гришина. Москва : Эдиториал УРСС, 2000. Ч. 1. 301 с.
15. Националниот вопрос на Балканах через призму мировой революции: в документах центральных российских архивов начала — середины 1920-х годов / Ч. 2. Июнь 1924 г. — декабрь 1926 г. / под ред. докт. ист. наук Р. П. Гришиной. Москва : РОССПЭН, 2003. 688 с.
16. *Радуге Г.* История на Македония // Апология на македонизма. София, 1997.
17. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 11. Д. 154.
18. РГВА. Ф. 4. Оп. 2. Д. 119. Л.2.
19. *Улурия А. А.* Политическая история Греции XX века. Москва, 2004.
20. *Цветковска П.* Македонското прашање во југословенскиот парламент меѓу двесте светски војни. Скопје : Институт за национална историја, 2000. 229 с.
21. *Шеменков К. А.* Греция: проблемы современной истории. Москва, 1987.